

Ду Чжунпин рассмеялся: «Разве до этого дойдёт? С тех пор как мы здесь живём, наши семьи так близки. Как можем мы из-за посторонних людей и пустяшного дела всерьёз посориться? Не стоит из-за чужих свои отношения портить.»

Фан Шэн вздохнул с облегчением: «Хорошо, что ты так думаешь. Я боялся, что ты рассердишься.»

Ду Ань подумал и фыркнул: «Неужели Чжао-ба из-за этого по комнате кругами ходил? И в конце концов, так ничего и не сказав, ушёл?»

«Именно! Наверняка к старосте пошёл советоваться. Ван Цюань с ним ближе всех, так что, поди, скоро вдвоём явятся с этой просьбой. Придумай, как ответить, чтобы старосту не обидеть — в деревне ведь каждый день друг на друга натыкаешься.» — сказал Фан Шэн Ду Чжунпину.

Ду Чжунпин не спеша поднял чашку, отпил несколько глотков и только потом ответил: «Не волнуйся, Шэн-гэ. Когда придут, у меня будут слова.»

Староста и Чжао Ба пришли к Ду. Решив не ходить вокруг да около, староста сразу изложил суть дела и без утайки пересказал вчерашние слова Ван Цюаня.

Староста сказал: «Мы вчера действительно поторопились, не во всём разобравшись, и пришли к тебе с просьбой — это было неправильно. Но раз уж слово дали, пришлось прийти. А соглашаться или нет — решай сам, как знаешь, ни о чём не беспокоясь. Хотя Ван Цюань — мой брат, я не могу заставлять тебя брать на себя ответственность за его дела, не зная всех обстоятельств.»

Ду Чжунпин и Ду Ань удивились. Выслушав рассказ Фан Шэна, они ожидали долгих уговоров и даже подготовили отговорки, а староста сказал совсем не то.

Ду Чжунпин, подумав, спросил: «Вы сказали, что не всё выяснили. А что именно?»

Староста вздохнул: «Мы с братом Чжао обсудили и подумали, что Ван Цюань, наверное, уже искал учителя, но по какой-то причине ему отказали, вот он и вынужден был сюда обратиться.»

Услышав это, Ду Чжунпин, наоборот, успокоился. Если Ван Цюань обращался к учёным мужам с такой прямой просьбой, его наверняка выставили за дверь. Какой уважающий себя учёный станет учить простого солдата бухгалтерии?

Ду Ань, слушая рядом, тоже до этого додумался. Если причина в этом, то ещё куда ни шло — по крайней мере, неприятностей не навлечёт.

Ду Ань подумал, что Ду Чжунпину будет неудобно говорить об этом прямо — как бы не показалось, что он свысока смотрит. Он сказал: «Староста, брат Чжао, разрешите мне вставить слово.» Оба кивнули, и он продолжил: «Причину я, кажется, угадываю, но не уверен. Может, скажу, а вы поправите?»

Староста и Чжао Ба поспешили его подбодрить.

Ду Ань продолжил: «Это я потому догадываюсь, что в доме моего прежнего хозяина было дело, да и я сам когда-то сопровождал Пин-гэ в учёбе, а то бы тоже не сообразил. Учиться торговому ремеслу — не то же самое, что учиться у кого попало. Настоящие учёные мужи изучают слова мудрецов и рассуждения о государственном управлении, к купеческим делам и прикоснуться

не посмеют, а не то что учить — осмеют же.»

Чжао Ба вспомнил, как в конце прошлого года Ду Чжунпин собирался продавать парные надписи, а Ду Ань его отчитал. Сопоставив с только что сказанным, он кивнул: действительно, так оно и есть.

Ду Ань продолжал: «А те, кто в этом деле поднаторел — это приказчики со стажем. Но это их хлеб насущный, просто так они никого не научат. Чаще всего знания передаются от отца к сыну, из поколения в поколение. Конечно, есть и такие, кто сам по книгам вроде «Девяти глав математики» до всего доходит. Но в любом случае, брату Ван Цюаню будет непросто. Думаю, он просто постеснялся сказать, что ему отказали?»

Как только Ду Ань закончил, староста и Чжао Ба переглянулись: это очень похоже на Ван Цюаня. В серьёзных делах он вряд ли стал бы скрывать — иначе и братства бы не вышло. Но если его отвергли или, того хуже, выгнали — такое при всех вряд ли станешь рассказывать.

Оба внутренне вздохнули с облегчением. Главное, что не со злым умыслом скрывал. А если из-за самолюбия недоговорил — что ж, это понять можно.

Староста взглянул на Ду Чжунпина. Тот тоже был учёным, и, судя по словам Ду Аня, вряд ли станет учить их братьев. Но в душе у него всё же теплилась надежда.

Ду Чжунпин, встретив его взгляд, поставил чашку и выпрямился. Он кивнул старосте и Чжао Ба: «Братья, если вы просите меня о помощи, я сделаю всё, что в моих силах, чтобы оправдать ваше доброе отношение к нашей семье. Но в этом деле, во-первых, я с детства изучал слова мудрецов, Четверокнижие и Пятикнижие, в вычислениях не силен. Хотя в нашей семье и было дело, но вели его опытные управляющие, я же сам к нему руки не прикладывал, поэтому в тонкостях управления не разбираюсь. Во-вторых, я уже имею учёную степень. Обучать в деревне детей азам, распространяя мудрость предков — это одно дело. Но специально преподавать коммерческие науки — совсем другое. Если узнают учебные власти, в лучшем случае отчитают, а если попадётся принципиальный начальник — могут и степень отобрать.»

Услышав это, староста, хоть и огорчился, что Ду Чжунпин не сможет учить Ван Цюаня и других, уловил в его словах нечто иное: «Сюцай Ду, выходит, если детей просто грамоте обучать, читать-писать — это не возбраняется?»

Ду Чжунпин немного удивился — при чём тут это? — но ответил: «Да, это так. Нет запрета сюцаю частную школу открывать. Более того, многие сюцаи, если бедствуют, на жизнь именно преподаванием и зарабатывают.»

У Ду Чжунпина было странное ощущение, будто, провожая старосту, тот выглядел не разочарованным, а, наоборот, получившим какое-то подтверждение. Странно. Он покачал головой и поспешил в дом — на улице было холодно.

Ду Ань проводил старосту подальше и, оглядевшись, убедившись, что никого нет, сказал: «Может, посоветуйте брату Ван Цюаню потрудиться, поискать опытных приказчиков — вдруг повезёт.»

Староста поблагодарил его и отправился домой. Да, надо срочно передать Ван Цюаню, чтобы искал приказчиков. Сюцай Ду много наговорил, а он уловил суть: выходит, настоящие учёные и считать-то не умеют. Ван Цюань просто не туда обратился.

Вечером, оставшись наедине, Ду Ань спросил Ду Чжунпина: «А чего это ты сказал, что не

умеешь считать? Ты же бормочешь себе под нос, да и считаешь быстрее, чем я на счётах.»

Ду Чжунпин лишь покосился на него, не отвечая. В прошлой жизни в школе кто только чего не изучал — и олимпиадную математику, и устный счёт. Но в этой жизни все подсчёты ведут на счётах, а его пальцы, кажется, не для того созданы — никак не приноворююсь. И что, он теперь должен этих людей скоростному счёту учить? Увольте.

Эта история не оставила в семье Ду особого следа. Чжао Ба лишь немного посожалел, но доводы Ду Чжунпина понял. Да и семья Ду с Ван Цюанем и компанией особой дружбы не водила — незачем было им из кожи вон лезть. Наверное, если бы не он со старостой, Ван Цюаня бы и за порог не пустили. Он знал: учёные люди свою репутацию берегут, особенно в таких щекотливых делах.

Но когда же Фан Шэн перестанет на него дуться?

На пятый день праздника, когда лепили цзяоцзы, Фан Шэн бросил на Чжао Ба яростный взгляд и принялся помогать Ду Аню рубить начинку — с таким остервенением, будто та была его заклятым врагом. Ду Ань от такого рвения даже отодвинулся подальше.

Проклятый Чжао Ба! И не подумает, почему я сержусь, только и знает, что лезет со своим навязчивым вниманием. Пф, не на того напал — легко я тебя не прощу.

Следующие несколько дней трое из семьи Ду наблюдали за представлением: Чжао Ба вертелся вокруг Фан Шэна, а тот хранил ледяное спокойствие, будто того и вовсе не существовало.

А к девятому дню, который в тот год выпал на Личунь — начало весны, они снова помирились. Только вот, когда Цзинь-эр позвал Шэн-шу, чтобы тот посмотрел, как его укусило насекомое, Фан Шэн наглухо застегнул воротник и наотрез отказался, чтобы Ду Чжунпин помазал ему шею каким-нибудь снадобьем...

<http://bllate.org/book/16286/1467520>